
М. А. ФАДЕИЧЕВА

ЕЩЕ РАЗ О ПАРТИЯХ В ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКИХ БЕЗГОЛОВЦАХ

Специалистам в области истории философии и политической философии известно, что в мае 2009 г. исполнилось сто лет со времени издания классической работы В. И. Ленина (Ульянова) «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», признанной его главным философским трудом. Об этом свидетельствовало страстное отношение самого автора к написанию и изданию произведения. Об этом же свидетельствовали его тиражи. Впервые в московском издательстве «Звено» в 1909 г. увидели свет 2000 экземпляров. Второе издание книги в 1920 г. составило 30 000 экземпляров. Эти цифры с учетом тех исторических условий выглядят весьма впечатляюще. По сведениям Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, за следующие 50 лет в СССР книга была издана общим тиражом, который превысил 5 000 000 экземпляров. Не только в университетах марксизма-ленинизма, но и в классических университетах «Материализм и эмпириокритицизм» был настольной книгой. Все поколения советских студентов, независимо от специальности, изучали это произведение. За рубежом работа была переведена более чем на 20 иностранных языков. Бестселлером эта книга стала отнюдь не благодаря той реакционной философии, критике которой она была посвящена, отнюдь не благодаря «распроклятым махистам» и разбору их «невыразимых пошлостей», как замечал сам Ленин. Две партии в философии, выражающие классовые интересы, и непримиримая борьба между ними – этот философско-политический лейтмотив в условиях противоборства двух систем сделал книгу «хитом продаж» в СССР и других странах социалистического лагеря.

После революции начала 90-х гг. XX в. в постсоветской Российской Федерации произошла «деидеологизация», законодательно

закрепленная в статье 13 Конституции РФ, где утверждается, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹. Это конституционное установление явилось реакцией на марксистско-ленинскую идеологию и Конституцию СССР, в которой говорилось: «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма»². Могут ли общество и государство существовать без идеологии – тема особой дискуссии. Однако вместе с деидеологизацией в политике произошла «департизация» в философии: деление на материалистов и идеалистов отменили или оставили его в качестве достояния истории философии времен доисторического и исторического материализма. Почти все в отечественной философии, что появилось после революции начала 1990-х гг., оказалось «по ту сторону» материализма и идеализма. Философские взгляды В. И. Ленина перестали быть актуальными, оказавшись в весьма распространенном мнении неверными. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин приводит высказывание И. Дицгена: «Чтобы идти по верному пути, не давая никаким религиозным и философским нелепостям (Welsch) сбивать себя, надо изучать неверный путь неверных путей (der Holzweg der Holzge) – философию». Чтобы окончательно не сбиться с верного пути, следовало бы в новом историческом контексте обращаться к ленинской философии.

В этом отношении особенно поучительно обращение к анализу § 4 главы VI «Материализма и эмпириокритицизма» под названием «Партии в философии и философские безголовцы», представляющего собой квинтэссенцию ленинских взглядов на партийность философии. Название параграфа содержательно и полно отражает основную мысль текста. Оно универсально по форме и в настоящее время может быть приспособлено к иным исследовательским интересам, например: «Партии в политике и политические безголовцы».

¹ Конституция Российской Федерации. – М.: Известия, 1995. – С. 8.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит-ра, 1987. – С. 6.

По сути, этот параграф – итог работы, неслучайно он расположен на предпоследнем месте в книге.

Десять страниц непростого для чтения текста содержат упоминание 36 персон, известных, малоизвестных и ныне совсем неизвестных, к числу которых относятся философы и естествоиспытатели, российские и иностранные, от XVIII в. до рубежа XIX–XX вв., ленинские современники. Это и те, взгляды которых Ленин разделял, и те, взгляды которых подвергал критике, а также однократно упомянутые в ограниченном контексте. В тексте двадцать раз назван Карл Маркс, пятнадцать – Фридрих Энгельс. Одиннадцать раз упоминается Иосиф Дицген, немецкий рабочий-кожевник, философ-самоучка, эмигрант с непростой судьбой. Здесь признаются заслуги представителей немецкой классической философии, к которым относятся: Иммануил Кант, трижды упомянутые Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, а также тот, кто положил конец немецкой классической философии и оказал решающее влияние на философские взгляды Маркса и Энгельса, – Людвиг Фейербах. Он был удостоен упоминания пять раз. Не забыт автором английский классик агностицизма Давид Юм, французский родоначальник позитивизма Огюст Конт, американский основоположник прагматизма Уильям Джеймс. Пятнадцать раз встречается на этих страницах имя Эрнста Маха, знаменитого австрийского физика и субъективно-идеалистического философа, восемь – Рихарда Авенариуса, одного из основоположников эмпириокритицизма, именно их взгляды подверглись Лениным критическому анализу. Трижды в критическом плане упомянут Джеймс Уорд, английский философ-идеалист, «спиритуалист», как его называл Ленин. Замечены немецкие философы Рихард Шуберт-Зольден и Ганс Корнелиус, а также австрийский философ Антон Леклер, представители имманентной философии. Здесь же встречаются русские махисты и эмпириокритики, эмпириосимволисты: Алексей Александрович Богданов (Малиновский), Владимир Александрович Базаров (Руднев), Павел Соломонович Юшкевич, а также философ-персоналист и психолог (его имя названо в качестве феномена во множественном числе: «Лопатины»), редактор журнала «Вопросы философии и психологии» Лев Михайлович Лопатин. Кроме того, – теоретик легального марксизма Петр Бернгардович Струве. Отечественный богоискатель и богостроитель

Анатолий Васильевич Луначарский был помянут негативно пятьюкратно. К этому блистательному списку имен четырежды добавляется имя Евгения Дюринга, немецкого философа-энциклопедиста, непротиворечиво объединившего метафизический материализм, позитивизм и кантианство, без которого не было бы «Анти-Дюринга». Не были оставлены без внимания и «мелкие философы», и/или крупные естествоиспытатели (по частоте упоминания): Вильгельм Фридрих Оствальд, немецкий физический химик, философ-идеалист; Жюль Анри Пуанкаре, французский физик и очередной философ-идеалист; Томас Генри Гексли, английский биолог, сподвижник Чарльза Дарвина, доказавший близость человека и высших обезьян, птиц и пресмыкающихся, медуз и полипов; Йозеф Петцольд, немецкий представитель эмпириокритицизма; Людвиг Бюхнер, немецкий врач, в философии отнесенный к «вульгарному материализму»; Гюстав Теодор Фехнер, немецкий физик, психолог, философ-идеалист, сторонник панпсихизма и психофизического параллелизма; Фридрих Альберт Ланге, немецкий философ-неокантианец, призывавший вернуться назад к Канту; Карл Густав Карус, немецкий биолог, врач, психолог и непонятый философ; Вильгельм Шуппе, немецкий философ-идеалист, представитель имманентной философии; Пьер Морис Мари Дюгем, французский физик-теоретик и философ-махист; Карл Пирсон, английский математик, биолог и идеалистический философ. Не был забыт даже Карл Грюн, немецкий публицист, младогегельянец, представитель «истинного социализма». Перечисление имен условных Карпа, Петра и Сидора использовалось Лениным как риторический прием для обозначения примитивных философских пристрастий скудоумных филистеров.

Ленин соотносит имена с определенными философскими «измами». Одно перечисление философских принципов, направлений, школ и их представителей заставляет задуматься о необходимости небольшого глоссария. Диалектика выступает в борьбе против метафизики, материализм – против идеализма. Настоящие действующие лица в параграфе, похожем на авантюрный роман, – марксизм, махизм, эмпириокритицизм, «реализм», позитивизм, прагматизм, агностицизм, фидеизм, субъективизм. Здесь же присутствуют производные от них марксисты, махисты и т. д., а также юмисты, кантианцы и неокантианцы, имманенты, неокритицисты, спиритуали-

сты, сенсуалисты. Кроме имен, направлений, школ и принципов Ленин называет восемь работ, прежде всего это работы классиков марксизма: «Капитал» К. Маркса, письмо Маркса к Фейербаху от 20 октября 1843 г., письмо Маркса к Кугельману от 27 июня 1870 г.; «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса; а также статья И. Дицгена «Социал-демократическая философия»; сочинение У. Джемса «Прагматизм. Новое название для некоторых старых путей мышления»; книга 1908 г. издания «Очерки по философии марксизма. Философский сборник».

Однако не только широта и многообразие эмпирической и источниковой базы исследования обращают на себя внимание. Исключительным этот параграф делают те проблемы, которые Ленин формулирует и решает с марксистской ясностью. Задумав рассмотреть вопрос об отношении махизма к религии, автор приходит к выводу, что этот вопрос не имеет собственной ценности. Он расширяется до принципиального, главного философского вопроса о том, есть ли вообще партии в философии, может ли быть философия беспартийной и какое значение имеет беспартийность в философии, на чью классовую мельницу льют воду беспартийные философы, названные Лениным «философскими безголовцами». На протяжении всех предыдущих глав он прослеживал борьбу материализма и идеализма применительно к рубежу веков в том контексте, в котором ставила его новая физика, «свихнувшаяся в идеализм» от незнания диалектики. В данном параграфе Ленин в качестве итога просматривает эти две основные тенденции, вскрывая источник заблуждений и ошибок, путаницы и лжи, что возникают «за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений». Проблема категориального аппарата науки, выработки понятий, адекватно отражающих реальность, и сегодня остается «архиважной», как и сто лет назад.

Раскрывая ход борьбы партий в философии, Ленин оценивает философию Маркса как современный материализм, который признается им неизмеримо более богатым по содержанию и несравненно более последовательным, чем все предшествующие его формы. Ленин признает гениальность Маркса и Энгельса, которую видит в том, что они неуклонно, на протяжении полувека, в непримиримой борьбе с идеализмом развивали одно направление, достраивая его до области общественных наук. Ясное и отчетливое

противопоставление материализма идеализму – несомненное достоинство Маркса. Как величайшая заслуга Маркса оценивается его резко-определенный философский путь, по которому он шел всю жизнь. Этот путь анализируется в отношении к его философским предшественникам, поэтому не оставлены без внимания Марксовы оценки гегелевского идеализма как самого развитого и последовательного. Последовательное проведение взглядов, пусть даже идеалистических, представляется несомненным достоинством по сравнению с попытками преодолеть крайности материализма и идеализма, подняться над их противоположностью. Именно Гегель рассматривается как авторитетная фигура, достойная марксистского внимания и марксистской критики. В отличие от последовательного идеалиста Гегеля Шеллинг, с точки зрения Маркса, – пустой хвостун, так как претендует объединить и превзойти все предшествующие философские направления. Эту данную Марксом оценку Шеллинга Ленин приводит, ссылаясь на Карла Грюна, который в свою очередь приводит письмо Маркса к Фейербаху. В этом письме Маркс предлагал Фейербаху написать статью в «Немецко-французский ежегодник», направленную против Шеллинга.

Однако достается в плане марксистской критики и самому Фейербаху. Эту критику Ленин не может оставить незамеченной и, воспроизводя ее, присоединяется к ней. Маркс и Энгельс, будучи от начала и до конца партийными философами, упрекали Фейербаха за непоследовательность его материализма, за то, что он не смог распространить его на область общественности. Признавалось ошибочным отказываться от имени материалиста из-за заблуждений других материалистов. Большой грех Фейербаха виделся в том, что он, будучи атеистом, вместо одной религии намеревался сочинить новую, как бы она ни называлась.

Особое внимание Ленин уделяет взглядам Энгельса. Энгельс и вместе с Марксом, и отдельно от него высоко оценивается за его последовательную материалистическую позицию. Исключительное достоинство состоит в том, что он вполне в духе Маркса во всех своих философских работах коротко и ясно по всем философским вопросам разделяет и противопоставляет материализм и идеализм, категорически отрицая всякую возможность преодолеть их односторонность, создать некую третью или среднюю линию в философии под маской позитивизма или реализма. Философский шедевр,

вышедший из-под пера Энгельса, – «Анти-Дюринг» – носит следы непримиримой борьбы с идеализмом. Важно, что эта борьба абсолютно последовательна, она идет в каждом параграфе, в каждом вопросе, в каждом суждении, в каждом понятии, не допуская ни малейших уступок идеализму. Непримируемость по отношению к позиции оппонента, решительная настойчивость, последовательное и неуклонное проведение своей ясной и твердой позиции – именно такие качества особенно ценятся Лениным в философских дискуссиях.

Другим любимым героем Ленина после Маркса и Энгельса оказывается Иосиф Дицген, потому что он сумел оценить и перенять величайшую и ценную партийную позицию своих учителей. О нем Ленин писал, что это «один из выдающихся социал-демократических писателей-философов Германии»³. Дицген университетов не кончал, поэтому иногда грешил неловкими, мелкими отступлениями от материализма, но никогда не отделялся от него, категорически заявляя, что он – убежденный материалист, а его философия – это философия до конца материалистическая. Ленин излагает взгляды Дицгена на материализм и идеализм, идеализм и религию по его знаменитой статье «Социал-демократическая философия», написанной в 1876 г. ««Из всех партий, – справедливо говорит наш Дицген, – самая гнусная есть партия середины... Как в политике партии все более и более группируются в два только лагеря, ...так и наука делится на два основных класса (Generalklassen): там – метафизики, здесь – физики или материалисты»»⁴. Фраза «Из всех партий в философии самая гнусная есть партия середины» стала крылатой, приписываемой непосредственно Ленину. Никого из философов, кроме Дицгена, в этом параграфе Ленин не цитирует так много и с таким удовольствием, что явно выражает несомненные ленинские симпатии. Цитируемый Лениным Дицген пишет: «Промежуточные элементы и примиренческие шарлатаны со всяческими кличками, спиритуалисты, сенсуалисты, реалисты и т. д. и т. д., падают на своем пути то в то, то в другое течение. Мы требуем решительности, мы хотим ясности. Идеалистами называют себя реакционные мракобесы, а материалистами должны называться все

³ Ленин, В. И. К двадцатилетию смерти Иосифа Дицгена / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1976. – Т. 23. – С. 117.

⁴ Он же. Материализм и эмпириокритицизм. – М., 1961. – С. 327.

те, которые стремятся к освобождению человеческого ума от метафизической тарабарщины... Если мы сравним обе партии с прочным и текучим, то посередине лежит нечто кашеподобное»⁵. И далее Ленин в восторге восклицает: «Правда!», и развивает тему прочного, текучего и кашеподобного: «“Реалисты” и т. п., а в том числе и “позитивисты”, махисты и т. д., все это – жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление»⁶. Задача настоящих марксистов заключалась, по Ленину, в том, чтобы отсекал реакционные тенденции, уметь проводить свою линию в борьбе с чуждой линией враждебных теорий и классов. Непримируемость, решительность, материалистическая ясность в борьбе против идеализма и поповщины за освобождение ума, за освобождение пролетариата отражают дух марксистско-ленинской философско-революционной романтики.

Еще один философский сюжет, раскрытый Дицгеном, приводится Лениным как пример рассуждений настоящего философа-марксиста. Этот сюжет касается соотношения материализма, идеализма и религии. Согласно Ленину, у Дицгена не было и тени сомнения в том, что «научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие и пособница «прямой поповщины». «Как у боженки антипод – дьявол, так и у поповского профессора (Kathederpfaffen) – материалист», – цитирует Дицгена Ленин⁷. С его точки зрения, материализм и его теория познания представляют собой действенное оружие против «всем известной, настоящей, обыкновенной религии попов», а также против рафинированной религии, под которой и понимается идеалистическая философия. Во взглядах Дицгена Ленин подчеркивает то, что разделяет сам. Поскольку Ленин предпочитает прямоту и откровенность последовательных сторонников идеализма лукавым претензиям философов, желающих подняться над материализмом и идеализмом, постольку он положительно оценивает то, что Дицген предпочитает религиозную честность обычных верующих «половинчатости» свободомыслящих идеалистов, которые, несмотря на свое

⁵ Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 18. – С. 361.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

свободомыслие, оставаясь в плену мистики и предрассудков, составляют реакционную массу по отношению к социал-демократии.

Опираясь на авторитет Дицгена, Ленин призывает читателей рассмотреть с позиций партийности философии школу Маха и Авенариуса, «маленькую школку эмпириокритиков», через все сочинения которых красной нитью проходит претензия преодолеть крайности материализма и идеализма. Объективно эти попытки служат верную службу идеализму и фидеизму. Окончательный вывод Ленина, звучащий как приговор, следует по Дицгену: Мах, Авенариус и их школа – «дипломированные лакеи фидеизма». Ленин рассматривает этот пример как один из ярчайших примеров европейской рафинированной поповщины. Однако таких дипломированных лакеев фидеизма, испытывающих вражду к материализму, клеветующих на материалистов, гораздо больше. Ленин оценивает это как позор цивилизованной и демократической Европы, так как «все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня. Все это продолжается до сих пор»⁸.

Особую роль разоблачения псевдобеспартийности махизма Ленин видит прежде всего в том, что эта европейская мода затронула и Россию. Увлечение этой модой привело к появлению русских махистов, решивших примирить махизм с марксизмом, скрыть от просвещенной российской общественности позорные ухищрения европейского идеализма. Ленина по-человечески обижает рабское следование «наших махистов» за реакционной европейской профессорской философией, их искреннее увлечение то Оствальдом, то Махом, то Пуанкаре. Русские махисты оказываются настолько легковверными и впечатлительными, что не сами определяют свои взгляды. Получается, что меняющаяся буржуазно-философская мода навязывает им определенную позицию. «Не *вы* ищете, а *вас ищут*, вот в чем беда!», – сокрушается Ленин, называя несчастьем русских махистов их наивность и доверчивость по отношению к каждому новому фасону этой дурной моды, которая всякий раз подбрасывает им свои новые идеалистические подделки. Резкой критике подвергается Луначарский за слепое следование европейской идеалистической моде, за обожествление «высших человеческих потенций», за идею «религиозного атеизма». Эти «позорные

⁸ Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. – С. 361–362.

вещи», до которых опускается Луначарский, с точки зрения Ленина, являются порождением эмпириокритицизма. Было бы неопасно, если бы эти взгляды оставались личным делом философа, однако они в служении фидеизму приобретают общественное значение, которое велико и однозначно негативно. Чем бы ни занимались русские махисты (Луначарский это или Богданов), эстетикой или гносеологией, их рассуждения свидетельствуют о том, что они «все увязли в идеализме». Несмотря на все словесные ухищрения («не наших» и «наших махистов»), а также прочих, желающих избежать партийной философской чистоты, полагал Ленин, отличить материалиста от идеалиста очень просто: достаточно выяснить, признается ли объективная реальность, данная нам в ощущении, что понимается под ощущением. Если под ощущением понимается особый «элемент», элемент как таковой, тогда мы сталкиваемся с идеализмом как ослабленным, утонченным фидеизмом. Если признается, что мир есть движущаяся материя, и ощущение понимается как субъективный образ внешнего мира, тогда мы имеем дело с материализмом, с материалистической теорией отражения сознания человека объективно-реального внешнего мира, которую последователи и интерпретаторы взглядов Ленина коротко называли ленинской теорией отражения.

То, что монография «Материализм и эмпириокритицизм» имеет в своем названии подзаголовок «Критические заметки об одной реакционной философии», решительным образом определило ее острый полемический характер, ее особый колоритный язык. В полной мере это нашло отражение в принципиально важном параграфе работы, содержащем выразительную лексику, а также жесткие, безапелляционные ленинские оценки иных философских взглядов. Интересны те экспрессивные глаголы, с помощью которых Ленин описывает отношение Маркса и Энгельса к их философским оппонентам. Они «преследовали, травили» в течение всей своей деятельности неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений. Они «беспощадно отметали» идеализм. Маркс и Энгельс «презрительно отстраняют», например, кантовский «позитивизм», они «презрительно третируют Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера и т. д.», от них достаются «презрительные насмешки». «Энгельс отвергает с порога» отступление от материализма. Вместе с тем Маркс и Энгельс с решительностью на-

стаивали на своей позиции, последовательно проводили свой материализм, оставались до конца партийными в философии.

Ленин также последовательно и неуклонно следует марксистской стратегии в борьбе с попытками преодолеть философскую партийную дилемму. Он яростно осуждает «ублюдочные прожекты примирения материализма и идеализма», издевается над «тупоумной претензией “подняться выше” материализма и идеализма». Схоластика – это самое приличное из всех ругательных слов, употребляемых Лениным для оценки взглядов идеалистов и их якобы беспартийных философских пособников: «гелертерская схоластика» (учительская), «схоластические выверты», «схоластическая игра в новые философские “измы”». Все это, по-ленински, «метафизическая тарабарщина», «терминологические ухищрения», «словесные ухищрения», «напыщенная претенциозная галиматья», «профессорский шарлатанизм», «ложь и путаница философского идеализма». Все это – «научная поповщина идеалистической философии», «утонченные гносеологические выверты», а иногда – глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интоекцией и т. п.»). На страницах параграфа постоянно присутствует образ сора, с которым у Ленина ассоциируется идеализм во всех его формах и проявлениях: «сор гелертерской схоластики», «сор, вздор», «засорение сути вопроса вычурными ухищрениями», «словесное засорение сути дела»; «сор новых систем и системок».

Суть же засоряемого вопроса такова – не может быть беспартийной философии: или материализм, или идеализм, – третьего не дано. С точки зрения Ленина, засоряют суть вопроса «люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией»; «реакционные мракобесы»; «реакционные профессора философии»; «профессора философии – ученые приказчики теологов». Беря пример с Дицгена, критике которого подверглись «промежуточные элементы и примиренческие шарлатаны со всяческими кличками», «дипломированные лакеи фидеизма», Ленин утверждает, что нейтральность философа есть лакейство перед фидеизмом. Апофеозом ругательства в отношении идеализма и религии является гневная инвектива Дицгена, которую Ленин с удовольствием цитирует: «Научная поповщина <...> серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине... В особен-

ности область теории познания, непонимание человеческого духа, является той вшивой ямой (Lausgrube), в которой “кладет яйца” и та и другая поповщина⁹.

Ленинское презрение заслужили «мизерные философские системки». Среди них наибольшее негодование вызывает «маленькая школка эмпириокритиков»; «маленькая “своя” философская секта», «узенькая, миниатюрная школка»; «специальная школка Маха и Авенариуса». «Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо»¹⁰. Кто пользуется этой «школкой», у Ленина не вызывает никакого сомнения: «это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма»¹¹.

Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» была написана и издана 100 лет назад. Тогда еще не было ВОСР, тогда еще не было СССР, он еще не «превратился из страны аграрной в страну индустриальную, ...из темной и полудикой страны – в страну грамотную, культурную, покрытую громадной сетью всевозможных школ, действующих на языках всех национальностей СССР»¹². Теперь уже ВОСР (Великая Октябрьская социалистическая революция) называется по-ленински «октябрьским переворотом». Уже нет СССР, теперь то, что от него осталось, – это разорванное социально-политическое пространство, локусы доиндустриального, индустриального и постиндустриального типа. Все вместе – постмодерн, в котором «как бы» можно все, в том числе вполне допустимы и «философские безголовцы», и любая философская «отсебятина», называемая теоретико-методологическими основаниями исследования. «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело – когда каждая фраза не говорит, а стреляет»¹³.

⁹ Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм. – С. 361.

¹⁰ Там же. – С. 366.

¹¹ Там же. – С. 364.

¹² От Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) // Ленин В. И., Сталин И. В. Избранные произведения в одном томе. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – С. 5.

¹³ Сталин, И. О Ленине. Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. // Ленин В. И., Сталин И. В. Избранные произведения в одном томе. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – С. 4.